

Игрушкой был мишка в очень толстой одежде. Чжэн Хайян прятал деньги внутри одежды мишки, и, если не ощупывать его специально, было трудно обнаружить спрятанные деньги.

Чжэн Хайян взял мишку, откинул его одежду и с изумлением обнаружил, что денег внутри нет. Он задумался на мгновение, а затем инстинктивно спросил Хань И:

— Сяои, где деньги на жену?

Хань И лежал на животике, сунул руку под подушку, поискал и вытащил пачку купюр, которую протянул Чжэн Хайяну:

— Деньги, деньги.

Чжэн Хайян взял деньги, пересчитал пачку — ни копейки не пропало! Он поцеловал Хань И и радостно сказал:

— Какой ты умный! Вернулся и даже не забыл деньги на жену!!

Филиал «Иян» еще ремонтировался, и планировка была похожа на пекинский магазин. Чжэн Пин до Нового года оформил все необходимые документы, а Чэн Баоли сходил на продуктовый рынок, чтобы договориться о ценах на поставку курицы и картофеля.

Когда Хань Чжицзюнь и Чэнь Линлин приехали, они зашли в магазин посмотреть, но не стали спешить возвращаться в Пекин, решив остаться на празднование Нового года и обсудить дальнейшие планы по развитию магазина. Мужчины после Нового года даже купили кое-какие вещи и отправились в старый институтский двор, где они раньше жили, чтобы навестить стариков, с которыми часто играли в шахматы.

Старики были в хорошей форме, и под деревом, где они раньше играли, построили навес, и они по-прежнему играли там.

Чжэн Пин и Хань Чжицзюнь не удержались и сыграли пару партий, и один из стариков с очень острым языком заметил, убирая фигуры:

— Побывали в другом месте, расширили кругозор, а? Другими стали?

Действительно, они изменились. У Хань Чжицзюня стало меньше той «одиноким храбрости» и авантюрного духа, он стал более спокойным, а у Чжэн Пина изменились взгляды и смелость, он стал более решительным.

В центре провинции особых изменений не было, разве что маленьких магазинов стало больше, а у прилавков универмагов — меньше людей.

Чэн Баоли заметила:

— Я теперь вообще не хожу в универмаг за покупками, просто покупаю в маленьких магазинах, там можно выбирать и торговаться, а продавцы не хамят. После возвращения я один раз зашла в универмаг, выбирала пуговицы и нитки, попросила продавца несколько раз подать мне разные варианты, а он на меня нагрубил! С тех пор я туда не хожу.

В центре провинции мелкий бизнес процветал, и можно было купить самые разные товары. На самом деле, это касалось не только универмагов, многие государственные предприятия в то время уже были на грани краха. После Нового года несколько заводов обанкротились, и

рабочие, получив компенсации, не испытывали страха перед будущим или гнева из-за потери работы. Многие начали продавать товары с трехколесных велосипедов, и их жизнь продолжалась, они зарабатывали деньги и ежемесячно получали компенсации.

Но как бы ни менялся внешний мир, для малыша Хань И жизнь совсем не изменилась.

Каждое утро, открыв глаза, Хань И видел своего братика Яньяна, игрушка, в которой он прятал деньги, все еще лежала у изголовья кровати, а он и Чжэн Хайян укутывались в два толстых одеяла, которые были мягкими и теплыми.

Чжэн Хайян, как и в Пекине, по утрам первым делом одевался сам, а затем помогал одеться Хань И.

Зимняя одежды была объемной, и Чжэн Хайян, будучи еще маленьким, тратил несколько минут, чтобы одеться, а одевать Хань И было еще сложнее: три вязаных свитера, один ватный жилет, снизу — две пары шерстяных штанов, причем шерстяные штаны были с разрезом, и, если потрогать снизу, можно было нащупать его маленького «петушка».

Чжэн Хайян, одев Хань И, похлопал его по разрезу:

— Петушку и попке не холодно?

Хань И, сжимая игрушку в руке, сладко улыбнулся и замотал головой.

Чжэн Хайян с важным видом, продолжая надевать на ребенка сверху шерстяные брюки, проговорил:

— Если им станет холодно, нужно сказать, понял?

Хань И кивнул.

Одевшись, они пошли писать. Туалет в их доме был с дыркой в полу, и Чжэн Хайян мочился стоя, а Хань И, будучи слишком маленьким, чтобы мочиться стоя, не пачкая себя, и с короткими ногами, не мог широко расставить ноги, поэтому приходилось приседать у дырки. Написав половину, он согнулся пополам, положил руки на толстые шерстяные штаны и, подняв голову, сказал Чжэн Хайяну:

— Братик, холодно.

Чжэн Хайян спросил:

— Где холодно? Попе или петушку?

Хань И надул губки:

— Всему.

Чжэн Хайян стал уговаривать:

— Ничего, когда закончишь, наденешь штаны, и не будет холодно.

После туалета они оделись и вышли. К тому времени Чэн Баоли уже приготовила завтрак, а Чэнь Линлин налила в тазик горячую воду, выдавила полотенце и помогла детям умыться и прополоскать рот.

После завтрака Чэн Баоли и Чэнь Линлин уходили за покупками, а детей оставляли под присмотром Чжэн Хайяна.

Взрослые теперь очень доверяли Чжэн Хайяну. Среди сверстников не было такого послушного и умного ребенка, который бы так хорошо заботился о младшем брате, понимал родителей и никогда не капризничал. Теперь Чжэн Хайян для всей семьи стал маленькой ватной курточкой — таким уютным и любимым.

После празднования Нового года праздничное настроение еще сохранялось, и в доме часто слышались звуки фейерверков, а на улицах можно было купить различные новогодние товары. Школа напротив их дома тоже начала учебу, и после звонка вместо пустого эха быстро доносились голоса учеников, которые проникали через низкую стену. Утром, открывая окно для проветривания, можно было услышать, как ученики громко читают.

Чжэн Хайян в комнате учил Хань И стихам: «Гуси, гуси, гуси, вытянув шею к небу, поют», «Сомнительно, будто Млечный Путь падает с небес», «Легкая лодка уже прошла десять тысяч гор». Все стихи, которые Чжэн Хайян помнил, он рассказывал Хань И.

Хань И с раннего возраста проявлял талант к обучению. Он быстро научился ползать, быстро научился ходить и так же быстро учил стихи. Чжэн Хайян сам считал себя двоечником, в старшей школе он едва успевал по литературе, и теперь все стихи, которые он помнил, быстро «выжались» из его памяти.

Но в вопросах воспитания большинство людей страдают самоуверенностью, и Чжэн Хайян не исключение. Он думал: как можно учить ребенка только стихам? Нужно развивать его всесторонне: морально, интеллектуально, физически, эстетически и трудово!

Чжэн Хайян принялся учить Хань И песням, начав с детской песенки «На свете только мама хорошая», которую они уже выучили, и перешел к «Двум тиграм».

Чжэн Хайян запел:

— Два тигра, два тигра, бегут быстро, бегут быстро, у одного нет хвоста, у другого нет ушей, как странно, как странно...

На середине песни он вдруг почувствовал, что-то не так. У одного нет хвоста? Или ушей? Или глаз? Он совсем не помнил!

Не помнил, ну и ладно, главное, смысл был понятен, это же не математика, где есть правильный ответ. Но проблема заключалась в том, что Чжэн Хайян, бывая немного затворником в прошлой жизни, любил бродить по форумам в свободное время. Через двадцать лет интернет уже не принадлежал обычным людям, его захватили кошки, собаки и другие непонятные существа. Тогда существовала «версия для друзей» песни «Два тигра», Чжэн Хайян посчитал это забавным, послушал и не придавал значения, но теперь, спев обычную версию, он не мог избавиться от другой, ненормальной версии:

«Два тигра, два тигра, встречаются, встречаются, оба парня, оба парня, какие странные, какие странные...»

Чжэн Хайян подумал: «...»

Он перебрал в голове все детские песенки, которые помнил, и после этого ему стало совсем плохо, особенно когда по телевизору показывали «Братьев Хулу», которые были очень

популярны, и на улицах дети пели «Хулу, Хулу», а другие дети играли в старшего, второго и третьего братьев...

Хань И, наслушавшись, иногда мог выдавать строчку, но не мог спеть полностью. И вот теперь, вспомнив, как через двадцать лет растоптали детство, Чжэн Хайян с трудом мог смотреть на свое нынешнее детство после перерождения...

Чжэн Хайян немного повозился с собой, покачал головой, отбросил все лишние мысли и решил, что всестороннее развитие подождет пару лет. Он начал учить Хань И арабским цифрам и пиньинь. У них дома был словарь «Синьхуа», и Чжэн Хайян принес его, чтобы научить Хань И читать и произносить слова.

<http://bllate.org/book/16484/1498031>